

то въ Повѣсти одна картина смѣняется другою; самая форма разсказа содѣйствуетъ этому. Какъ мы говорили уже раньше — разбираемый нами памятникъ — состоитъ изъ ряда краткихъ сказаній, иногда, повидимому, имѣющихъ немного связи между собой; но въ общемъ представляющихъ единоецѣльную, освѣщенную одной основной идеей и производящей цѣлостное впечатлѣніе благочестивой поэмой.

Нѣкоторыя художественныя картины Повѣсти отличаются особой силой и выразительностью; таковы, напр., сказаніе о голодѣ и плодородіи въ Курскомъ краѣ, объ осадѣ Курска, о возвращеніи иконы изъ Москвы въ Курскъ, о чудесахъ Пресвятой Богородицы отъ ея образа и друг. Читая такія сказанія, невольно воскрешаешь въ умѣ своемъ тѣ времена, отъ которыхъ дошли до насъ благочестивыя преданія и познаешь ихъ не только умомъ, но и сердцемъ....

Чтобы закончить рѣчь объ изложеніи и языкѣ *Повѣсти*, мы остановимъ вниманіе читателя на нѣкоторыхъ этимологическихъ особенностяхъ и болѣе интересныхъ лексическихъ явленіяхъ. Выше уже было сказано, что языкъ памятника славянскій. Въ немъ много древнѣйшихъ элементовъ, что обнаруживается болѣе всего въ фонетическомъ составѣ словъ. Различныя измѣненія звуковъ выдерживаются болѣе или менѣе правильно; грамматическія формы также напоминаютъ древнія. Такъ, напр., постановка аориста, perfectum, imperfectum, давнопрошедшаго и условнаго времени правильна. Относительно буквъ нужно сказать, что въ *Повѣсти* имѣютъ мѣсто: юсь малый, омега, укь, кси, пси, зѣло и др., но безъ соблюденія правилъ. Такъ, напр., пси служить для начертанія словъ, взятыхъ съ греческаго языка, — но при посредствѣ этой же буквы пишутся русскія